

9/c55
3-32

ЗАПИСКИ
СЕМИПАЛАТИНСКАГО ПОДЪОТДѢЛА
ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

Выпускъ XIII.

г. Семипалатинскъ.
Типографія Кредитнаго Союза.
1919.

ЗАПИСКИ
СЕМИПАЛАТИНСКАГО ПОДЪОТДѢЛА
ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

Выпускъ XIII.

г. Семипалатинскъ.
Типографія Кредитнаго Союза
1919.

86

№ 45295

Семипалатинская
областная библиотека
им. Н. В. Гоголя

Печатано по постановленію Распорядительнаго Ко-
митета Семипалатинскаго Подотдѣла Западно-Си-
бирскаго Отдѣла Русскаго Географич. Общества.

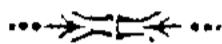
О г л а в л е н і е

	Страницы
Г. Н. Потанинъ Монгольскія сказки и преданія	97
У к а з а т е л и:	
собственныхъ именъ	5
нарицательныхъ именъ	3
 Г. Н. Потанинъ Круговое движеніе ночного небо и гро- зовое явленіе въ монгольскихъ преда- ніяхъ, иконописи и пластикъ	 26

Монгольскія сказки и преданія.

Издаваемые матеріалы были мною собраны во время моихъ двухъ послѣднихъ поѣздокъ: 1) въ Китайскую провинцію Сы-чу-ань и приграничную съ ней часть Тибета и 2) въ среднюю часть Большого Хингана. Обѣ поѣздки были описаны въ „Извѣстіяхъ“ Русскаго Географич. Общества.

Значительная часть записей сдѣлана со словъ Забайкальскаго бурята Будды Рабд. Рабданова, сопровождавшаго меня во время поѣздки въ Сы-чу-ань.

1. Абатай-сайнъ-ханъ.

1. Абатай-сайнъ-ханъ поѣхалъ въ Тибетъ за бурханами.*) Дорогой туманъ перегородилъ ему путь; Абатай-сайнъ-ханъ началъ стрѣлять въ туманъ; стрѣлялъ въ теченіи трехъ дней и туманъ разсѣялся. Пріѣзжаетъ ханъ къ далай-ламѣ. Далай-лама говоритъ ему: „Зачѣмъ пріѣхалъ и зачѣмъ погубилъ моего человѣка?“ Абатай-сайнъ-ханъ увидѣлъ тогда человѣка, у котораго въ боку была огромная рана и изъ нея капала кровь. Это былъ Улынъ-эдзинъ.**) Абатай говоритъ далай-ламѣ: „Дай мнѣ такихъ боговъ, которые бы меня не устрашили“. Далай-лама сказалъ: „Пойди и самъ возьми въ храмъ“.

Абатай пошелъ въ храмъ, но не можетъ попасть въ него. Двери затворены и что-то ихъ сжимаетъ такъ, что Абатай не въ силахъ раздвинуть половинки. Онъ вынулъ саблю, разсѣкъ двери и вошелъ въ храмъ; въ тотъ же моментъ съ потолка, какъ снѣгъ, повалились бѣлые цвѣты на полъ; кромѣ этихъ цвѣтовъ, Абатай ничего не увидѣлъ въ храмѣ. Въ досадѣ, что онъ не видитъ статуи боговъ, Абатай выстрѣлилъ въ уголь храма и сдѣлалъ въ немъ отверстіе, въ которое стало видно небо. Абатай возвратился къ далай-ламѣ и спросилъ его, почему онъ не нашелъ боговъ, не могъ увидѣть ихъ. Далай-лама сказалъ, что это потому, что онъ отрубилъ лопатку у собаки, сторожившей храмъ; когда Абатай рубилъ по дверямъ, ударъ собственно достался (невидимой) собацѣ.

Послѣ этого Абатай снова пошелъ въ храмъ и увидѣлъ его уставленнымъ богами. Онъ сталъ тыкать саблей въ грудь каждого. Боги въ испугѣ отклонялись отъ удара; два остались неподвижными: Гомбогуру и Эрдени-цзу. Абатай привязалъ одного бога съ одной стороны своего, три сажени длиною, коня, другого съ другой, сѣлъ въ сѣдло и поѣхалъ. Въ это время далай-лама послалъ впередъ своего пастуха, слѣпота старика, съ сыномъ; старикъ отецъ ѣхалъ на быкѣ, а сынъ велъ быка; у быка потекла изъ рта слюна на грудь и потомъ подъ грудью далѣе къ животу. Сынъ имѣлъ въ рукахъ желѣзный колъ. Старикъ приказалъ сыну, чтобъ онъ караулилъ, когда

*) Бурханы — изображенія боговъ.

***) Духъ горы, буквально „Хозяинъ горы“.

слюна дойдетъ до пупа быка; тогда быкъ уткнется мордой въ землю; сынъ долженъ въ этотъ моментъ въ точку, въ которую уткнулась морда быка, забить желѣзный коль. Сынъ такъ и сдѣлалъ. Когда слюна, текущая изъ рта быка, достигла до его пупа, быкъ остановился и доткнулся мордой до земли; сынъ старика тотчасъ въ это мѣсто вбилъ коль и когда вынулъ его, потекла изъ отверстія вода и залила землю; образовалось большое море, преградившее дорогу Абатаю. Абатай спрашиваетъ коня, можетъ ли онъ перескочить черезъ море. Конь говоритъ, что не можетъ и учитъ хана, что черезъ море можно перебраться только въ томъ случаѣ, если ханъ сорветъ съ земной поверхности гору Лоунъ-Сорчжи и бросить ее на самую середину моря. Абатай саблей срѣзалъ гору подь самое основаніе, на саблѣ перенесъ ее на самую середину моря и опустилъ. Гора легла на отверстіе, изъ котораго лилась вода; наводненіе прекратилось и море высохло. Абатай ѣхалъ три мѣсяца по высохшему дну голодомъ, не имѣя нищи. По истеченіи этого времени онъ убилъ зайца, мясомъ его насытился и остановился, чтобы дать отдыхъ коню. Онъ снялъ бурхановъ съ сѣдла и поставилъ на землю, отпустилъ коня и пробылъ тутъ три дня. Когда хотѣлъ тронуться далѣе, не могъ отдѣлать бурхановъ; три дня онъ трудился, пытаясь поднять боговъ, но не могъ. Тогда онъ отрубилъ ихъ верхнія половины и сказалъ: *кэрэктэй чеджити надатай лѣбикъ, кэрэкура боксичини эндэ байш*, „нужные торсы поѣзжайте со мной, ненужные зады здѣсь оставайтесь!“ Торсы повезъ далѣе, а нижнія половины оставилъ на мѣстѣ.

Поѣхалъ Абатай далѣе. Вдругъ конь испустилъ три вздоха. Абатай спрашиваетъ, что означаетъ эти три вздоха. Конь говоритъ, что навстрѣчу Абатаю ѣдетъ сильный противникъ. Ханъ выѣхалъ на вершину горы и, дѣйствительно, увидѣлъ пятнадцатилѣтняго мальчика, идущаго на встрѣчу. Абатай спросилъ его, кто онъ и куда идетъ. Мальчикъ сказалъ, что зовутъ его Хаптагаль-чжинъ-мэргэнъ и что онъ идетъ встрѣчать хана, чтобы побороться съ нимъ. Абатай спрашиваетъ, какъ онъ хочетъ бороться, при посредствѣ оружія или своей непосредственно силой. Хаптагаль-чжинъ-мэргэнъ отвѣчаетъ, что онъ готовъ и такъ и этакъ бороться. Рѣшили бороться сначала оружіемъ. Первымъ Абатай предложилъ стрѣлять Хаптагальчжину. Тотъ съ утра тянулъ лукъ до вечера; съ большого пальца упалъ комокъ крови величиной съ барана; спустилъ стрѣлу, она ударила въ грудь Абатаю и отскочила, не сдѣлавъ ему вреда. Тогда на другой день съ утра началъ натягивать лукъ Абатай, спустилъ стрѣлу въ Хаптагальчжинъ-мэргэна; стрѣла пробила Хаптагальчжину грудь насквозь, такъ что образовалось отверстіе, въ которое могъ пройти караванъ верблюдовъ съ вьюками. Хаптагальчжинъ-мэргэнъ заткнулъ рану подсѣдельнымъ войлокомъ. Стали бороться (невооруженными) руками. Боролись три дня и наконецъ Абатай-сайнъ-ханъ убилъ Хаптагальчжинъ-мэргэна. На мѣстѣ, гдѣ они боролись, образовалось озеро Худжиртэй-нуръ.

Абатай-сайнъ-ханъ привезъ боговъ въ Монголію. Здѣсь недостающіе зады статуи подѣлали мастера.

Когда Абатай отправлялся изъ Тибета, онъ просилъ далай-ламу освятить бурхановъ. Далай-лама сказалъ, чтобъ онъ везъ ихъ въ Монголію неосвященными; что они будутъ освящены, когда будутъ привезены на мѣсто; о моментѣ освященія ханъ узнаетъ по особому знаменію—выпадетъ дождь «голаго» ячменя, *халтаръ арбай*. И дѣйствительно 15 числа средняго лѣтняго мѣсяца выпалъ съ неба ячменный дождь.

Федоръ Осокинъ

2. Абатай-сайнъ-ханъ строилъ монастырь Эрдени-цзу, но никакъ не могъ выстроить. Построенное снова разрушалось. По соседству находилась гора, *цакіусъ*¹⁾ которой не хотѣлъ допустить этой постройки. Тогда Абатай поѣхалъ въ Массу; далай-лама сказалъ ему: „Возвратись и жди 15 числа средняго лѣтняго мѣсяца, сиди въ этотъ день дома. Я, не выѣзжая отсюда, освящу твою постройку“. Абатай возвратился домой. Увлечшись облавою, онъ забылъ о назначенномъ днѣ и въ этотъ день выѣхалъ на охоту. Вдругъ видитъ, идетъ съ запада черная туча. Видя, что не удастся охота, онъ вернулся домой, все таки не вломивши о наказѣ далай-ламы. Вспомнилъ только уже тогда, когда выпалъ голый ячмень слоемъ толциной въ четверть. Съ того времени въ Монголіи завелся ячмень. Постройка съ этого момента установилась.

Галданъ-бошохту-ханъ пришелъ въ Эрдени-цзу съ цѣриками²⁾ и хотѣлъ саблей выковырять *бадмаракъ*³⁾ изъ лба бога Гомбогуру. Богъ двинулся впередъ съ трона, покачнулся впередъ. И съ того времени статуя такъ и стоитъ до сего времени, покачнувшись впередъ. Галданъ испугался и бѣжалъ черезъ рѣку Орхонъ, но *цакіусъ* мѣстности погубилъ его; онъ и все его войско перетонули въ рѣкѣ.

Гомбу—Доной

3. Абатай-ханъ поѣхалъ къ далай-ламѣ за живымъ богомъ, *амитыиъ бурханъ*; съ нимъ было сорокъ пять товарищей. На горѣ Шюхоинъ-хара-тологой⁴⁾ они почувствовали трудность дыханія и сказали о томъ Абатаю; ханъ велѣлъ имъ три раза громко крикнуть, а потомъ стрѣлять. Духъ этой горы, *сандыкъ*, бѣжалъ къ далай-ламѣ, едва добѣжалъ до него, весь изстрѣлянный, и жаловался ему, что съ сѣверовостока ѣдетъ сильный человѣкъ, который прострѣлялъ ему все тѣло. Далай-лама сказалъ ему на это, что это ѣдетъ важный человѣкъ и что съ этой поры онъ, *сандыкъ*, долженъ удалиться отсюда и больше не вредить людямъ. Послѣ этого съ сѣверовостока набѣжалъ вихорь. У далай-ламѣ было множество собакъ для борьбы съ темными силами. Собаки, вмѣсто того чтобы напасть на приближающагося Абатаю, стали ласкаться къ нему; тогда Далай лама сказалъ

1) Духъ—покровитель мѣстности.

2) Цѣрикъ—воинъ, солдатъ.

3) Рубинъ.

4) Тологой „голова“; *хара тологоями* „черными головами“ монголы называютъ небольшіе скалистые отдѣльные холмы. Шюхой «известнякъ».

сапдыку: «Видишь, какой это человекъ». И сапдыкъ долженъ былъ удалиться.

Теперь Шохойнъ-хара-тологой называется Убаши-абагай-дабанъ.

Дарцжа.

4. Далай-лама прѣхалъ къ Абатаю. Они побесѣдовали о вѣрѣ и далай-лама уговорилъ Абатая съѣздить въ Тибетъ, выбрать себѣ бога и ламу и привезти въ Монголію. Абатай согласился. „Поѣду“, подумалъ, „а если будутъ препятствія, то подерусь“. На перевалѣ Шохойнъ-хара-тологой лусы¹⁾ испугались его, прибѣжали къ далай-ламѣ и говорятъ, что съ сѣвера кто-то враждебный ѣдетъ. Далай-лама выслалъ противъ него собакъ *шкрайглынг олынъ тайганъ*²⁾. Собаки, однако, стали ласкаться къ Абатаю. Тогда далай-лама сказалъ: „Видите, собаки не кусаютъ его, следовательно это хорошій человекъ. И вы не троньте его и перестаньте вредить людямъ“. Послеъ этого лусы сдѣлались убашіями³⁾. Съ тѣхъ поръ перевалъ переименовали въ перевалъ Убашинъ-дабанъ. Абатай прѣхалъ къ Далай-ламѣ, выбралъ бога, одни говорятъ Оширбани, другіе Гомбогуру, отвезъ домой и построилъ монастырь. Выбирая бога, онъ выбралъ и ламу: это былъ съ виду самый худой лама, но онъ отказался поѣхать теперь же, а обѣщалъ прѣхать послеъ и освятить постройку. Онъ пояснилъ, что освященіе это исполнится въ видѣ выпаденія голаго ячменя. И дѣйствительно выпалъ ячмень.

Потомъ люди Абатая увидѣли дымъ: оказалось, что сидитъ въ полѣ человекъ у огня. Дозволили хану, что сидитъ человекъ у огня безъ косы, какъ будто лама, но въ голубомъ платѣ. Абатай подумалъ: если безъ косы, то лама, хотя и въ голубомъ платѣ, и поѣхалъ поклониться ламѣ. Побесѣдовали они; лама угостилъ хана чаемъ и исчезъ. Абатай велѣлъ на мѣстѣ огня поставить знакъ. Потомъ Абатай опять поѣхалъ и на томъ самомъ мѣстѣ увидѣлъ суку со множествомъ щенятъ; онъ принялъ это за доброе предзнаменованіе, указывающее на богатство и благоденствіе въ будущемъ и поставилъ на этомъ мѣстѣ свою юрту. Потомъ у него родился сынъ; въ видѣ этого сына воплотился тотъ же самый лама.

Монголъ на станціи Байсхылынту.

5. Абатай-сайнъ-ханъ прежде не былъ ханомъ, а назывался Абатай-хунъ-тайджи. Однажды онъ былъ на облавѣ и въ это время нашелъ хонхо⁴⁾ и очирь⁵⁾; онъ не зналъ, что это такое и сталъ разубавать. Кто-то ему сказалъ, что это принадлежности буддійскаго богослуженія, что есть желтая вѣра и есть далай-лама. Абатай-хунъ-тайджи отправился къ далай-ламѣ просить бога. Допущенный въ храмъ, онъ сталъ выбирать боговъ, пронзая ихъ саблей; тѣхъ, кото-

1) Лусы — мѣстные духи.

2) Тайганъ-сказочныя собаки. См. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, стр. 66

3) Убаши-первая степень посвященія въ ламы.

4) Хонхо колокольчикъ.

5) Роль кадудея въ видѣ мѣднаго стебля лотоса.

рые въ страхѣ отклонялись отъ острія сабли, Абатай не взялъ; взялъ только одного, который устоялъ прямо. Это былъ Очирвани. И теперь показываютъ въ главномъ храмѣ города Лассы (не на Понталѣ) на одну статую, которая хотѣла рукой оградить себя отъ удара и Абатай пронзилъ саблей ея ладонь. Конецъ сабли сломался и остался въ рукѣ статуи¹⁾.

Абатай повезъ статую въ Монголію. На пути есть перевалъ Бурхатень-дабанъ, гдѣ ему пришлось оставить нижнюю часть статуи, *бурсанай бокси*. Тутъ внезапно бурханъ отяжелѣлъ, такъ что ноги у коня увязли въ землю. Абатай спросилъ у окружающихъ: «Что полезнѣе взять, верхъ, или низъ статуи, *чеджи* или *бокси*?» Кто-то отвѣтилъ: „Чеджи“. Абатай разрубилъ бога пополамъ, половину его оставилъ на горѣ, а верхнюю половину увезъ съ собой. Она и теперь хранится въ монастырѣ Эрдени-цзо, во дворцѣ Тушету-хана. Абатай построилъ монастырь Эрдени-цзо и послалъ посла къ далай-ламѣ просить освятить храмъ. Далай-лама сказалъ, что онъ самъ не придетъ, но что въ назначенный день народъ долженъ выйти въ степь по направленію къ югу и молиться. Когда народъ вышелъ, со стороны Тибета появилась туча и вышалъ съ неба дождь ячменя. Съ тѣхъ поръ появился²⁾ ячмень.

У олетскаго вана³⁾ было два сына; одинъ былъ лама, другой свѣтскій. Лама былъ уже *гандатибы*, т. е. намѣстникомъ Цзонкавы. Въ это время ванъ умеръ; сынъ его вступилъ на престолъ. Халха напали и убили новаго вана. Объ этомъ пришло извѣстіе брату. Лама обратился къ далай-ламѣ и спросилъ его, такъ какъ онъ намѣстникъ Цзонкавы, то какъ ему быть? Тогда далай-лама завязалъ узелъ въ хвостъ лошади и сказалъ ему, что онъ можетъ на ней ѣздить, пока узелъ не распустился. Лама сѣлъ на коня и сталъ предводительствовать олетскимъ войскомъ. Когда онъ вошелъ въ Халху, одинъ цэригъ⁴⁾ вѣжалъ въ храмъ и сталъ саблей выколупывать бадмарахъ зотбо⁵⁾ изъ чела бога Цзо. Тогда богъ Махагала сдѣлалъ движеніе; цэригъ бросился бѣжать изъ храма. Когда бѣжавшіе олеты проходили ворота, за ними бросился одинъ изъ львовъ; одинъ цэригъ выстрѣлилъ и отстрѣлилъ ему ногу. И теперь одинъ левъ стоитъ не прямо, а одно плечо выдвинуто впередъ и одной лапы нѣтъ.

Ринчинъ-Бадзыръ.

6. Далай-лама далъ Абатаю изображеніе бога Очирвани. Дорогой на перевалѣ богъ не пошелъ далѣе; тогда Абатай отсѣкъ верхнюю половину и увезъ ее, а нижнюю оставилъ, сказавъ: „Не нужный мнѣ задъ, оставайся“!

Гомбу-Доной.

¹⁾ Разсказчикъ Ринчинъ-Бадзыръ самъ видѣлъ эту ладонь съ сбломкомъ сабли, засѣвшимъ въ ней.

²⁾ На землѣ?

³⁾ Олеты — племя, входящее въ составъ западныхъ монголовъ; ванъ — князь

⁴⁾ Цэригъ — солдатъ.

⁵⁾ Зотбо — символическая бородавка на лбу бурхана.

7. Абатай однажды охотился, покатился съ крутой горы и упалъ. Падая, онъ произнесъ: „Далай-лама“! Приѣхавъ домой, онъ спросилъ у своихъ вельможъ, что означаютъ произнесенныя имъ слова. Они объяснили ему, что далай-лама живетъ въ Лхассѣ. Абатай поѣхалъ въ Лхассу, увидѣлся съ далай-ламой и выпросилъ у него статую Гомбо-гуру. Вернувшись въ Монголію, онъ построилъ сумэ. Нужно было освятить сумэ. Далай-лама, разставаясь съ Абатаемъ, сказалъ ему, что „вотъ въ такое-то время я приѣду и освящу“. Въ назначенный срокъ выпало съ запада зерно. И съ тѣхъ поръ въ этихъ мѣстахъ обильно растетъ ячмень. Это зерно прибыло изъ Тибета.

Самба-шябранъ на Керуленъ.

8. Прежде у монголовъ не было желтой вѣры. Абатай-ханъ задумалъ ввести ее и поѣхалъ къ Банченъ-богдо просить себѣ бурхана для поклоненія. Банченъ-богдо предложилъ ему самому выбрать и бурхана и шаби¹⁾. Абатай-ханъ сталъ обходить всѣхъ сидѣвшихъ рядами шаби, начиная съ самаго высшаго, тыкать имъ саблей въ грудь и спрашивать: „Поѣдешь ли со мной на мою родину“? Не одинъ шаби не согласился; только самый послѣдній худой сказалъ, что онъ поѣдетъ. Потомъ Абатай сталъ тыкать въ грудь всѣхъ бурхановъ; всѣ остались неподвижны, одинъ только отодвинулся. Тогда Абатай сказалъ Банчену-богдо, что онъ беретъ этого худого шаби и этого бурхана. Банченъ-богдо говоритъ Абатаю, что для бурхана нужно построить сумэ и постройку освятить, но поѣхать для этого въ Монголію онъ, Банченъ-богдо, не можетъ; онъ освятитъ постройку, оставаясь на мѣстѣ. Когда придетъ срокъ освященія, будетъ знаменіе; пойдетъ теплый дождь и потомъ выпадетъ ячмень. Абатай, взявъ бурхана и шаби, поѣхалъ домой. Бурхана привязалъ за шею въ торока. Дорогой на перевалѣ Абатай остановился, чтобы помолиться, а бурхана поставилъ на землю. Статуя прилипла къ землѣ; Абатай не можетъ отодрать ее. Тогда онъ вынулъ саблю и съ словами: „Не желающая ѣхать бокси оставайся здѣсь, а желающая ѣхать чеджи поѣзжай“! срубилъ верхнюю половину, привязалъ въ торока и поѣхалъ. Перевалъ этотъ сталъ называться Бурханъ-Будда. По приѣздѣ домой ханъ построилъ сумэ, набралъ ламъ; привезенный шаби былъ сдѣланъ наставникомъ. Но что-то случилось и этого шаби убили. Чтобы впродъ выбраннаго на его мѣсто не убили, рѣшено было, что душа этого шаби возродится въ утробѣ ханьши. Когда ханьша забеременѣла, ханъ отослалъ ее въ одно мѣсто, окрестности котораго были объявлены *сэртэй*, т. е. туда никто не долженъ былъ входить. Съ ханьшей была отправлена только одна пятнадцатилѣтняя дѣвушка по имени Хатхатай. Эта дѣвушка начала постоянно плакать; спросили ее, о чемъ она плачетъ. Оказалось, что у нея молоко течетъ изъ груди и все ея платье смокло. Ее стали одѣвать одеждами Абатай-хана. Когда ханьша родила, у нея не оказалось молока. Ребенокъ говорить: „Дайте, я сососу эту дѣвушку“. И его пропустили къ дѣ-

¹⁾ Шаби—монастырскіе служители, ученики.

виць. Ребенокъ выросъ; это былъ Ундуръ-гэгэнь, первый богдо-гэгэнь. За то, что дѣвица выкормила ребенка, Абатай далъ ей пять человекъ шаби; отъ нихъ произошли пять хонунувъ шаби въ Ургѣ.

Андожилъ, галласецъ хонуну Тушету-бэнесы.

Варианты сказанія объ Абатаѣ напечатаны въ книгахъ: Позднѣевъ, Монгол. дѣтские Эрденинъ прихэ, Сиб., 1883, стр. 90; Цоганинъ. Очерки с. з. Монг., IV, 332—341; Тангута-тибет. окр. Китая, II, 220. Въ последней книгѣ (стр. 296) мною сдѣлано сближеніе монгольскаго сказанія съ тибетскимъ о построении храма въ Ласѣ, отъ котораго оно отличается отсутствіемъ разсказа о привозѣ невесты. Вариантъ 1-й настоящего собранія, единственный вариантъ мифъ извѣстный изъ монгольскихъ вариантовъ, въ которомъ является, какъ и въ тибетскомъ преданіи, разливъ воды изъ отверстія, образующій море, но мотивируется это наводненіе иначе, чѣмъ въ ласской легендѣ: оно задерживаетъ похитителя, преграждая ему возвращеніе на родину. Когда Гасаръ похитилъ съ неба эрдени, хранительница ихъ излила изъ своихъ грудей молоко, которое образовало Млечный путь (Зап. Вост.—Сиб. Отд. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 127). вмѣсто вода въ ласской легендѣ камень: вода излилась изъ колодезя, въ котораго она, надо полагать, только потому ранѣе не изливалась, что отверстие колодезя аккуратно затыкалось камнемъ. Быкъ также есть въ ласской легендѣ, но роль его другая. На слухъ океана ласской легенды въ монгольской намекаетъ путь, бывающій только слюна достигаетъ до пуна, вода начинаетъ изливаться изъ отверстія сдѣланнаго коломъ.

Група съ быкомъ напоминаетъ Анну египетскаго—романа, вдунаго на быкъ гависѣ, въ котораго превратился его младшій братъ Битю (Бату). Схема египетскаго романа та же, какъ у монгольской сказки о шести товарищахъ, которые посадили шесть деревьевъ (шесть звѣздъ Плеядъ?) и прежде, чѣмъ разойтись, сдѣлали уговоръ возвратиться къ этимъ деревьямъ и если чье дерево посохнетъ, а это будетъ значить, что савившій его погибъ, идти выручать его (Шидди-куръ въ Этн. Сборн., VI, стр. 11; Танг.-тиб. окраина, II, 145 и 147); сказка кончается заявленіемъ, что шесть товарищей это шесть звѣздъ Плеядъ; то же заявляется и въ юго-славянскомъ и въ датскомъ вариантахъ (Jagic, Archiv für slav. Phil., V, s. 36; Dänische Volksmärch. v. Swend Grundtvig, übers. v. W. Leo, Leipz., 1878, s. 110: „Siebengestirn“). Египетскій романъ содержитъ въ себѣ разсказъ о доставленіи въ страну Египетъ аниса, въ которомъ народъ видѣлъ залогъ счастья; одинъ изъ братьевъ обратился въ змѣя, а другой ведетъ его. Та же основа и въ монгольскомъ преданіи: Абатай везетъ въ Монголію бога Гомбо, въ которомъ несомнѣнно также заключенъ залогъ народнаго благоденствія. Въ обоихъ разсказахъ быкъ, хотя не на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ обоихъ разсказахъ внезапно появляется вода, въ одномъ въ видѣ рѣки, въ другомъ—моря, хотя и въ не совпадающіе моменты: и въ обоихъ случаяхъ вода служитъ препятствіемъ для вдунаго или идущаго. Монгольскія редакціи въ большемъ согласіи съ другими разсказами о привозѣ залога счастья (эрдени).

Схему египетскаго и монгольскаго преданія можно развернуть въ звѣздный мифъ. Въ рѣкѣ или морѣ, разливающихся, какъ препятствіе на пути, имѣя въ виду эпизодъ изъ повѣсти о Гасарѣ, можетъ быть признанъ Млечный путь; на мѣсяцъ намекаютъ Гомбо, расфѣченный пополамъ, и рогатый быкъ: Полярная звѣзда представлена въ монгольскомъ разсказѣ желѣзнымъ посохомъ или коломъ, подъ видомъ котораго она является и въ повѣрьяхъ многихъ степныхъ народностей (Танг.-тиб. окр. II, 330, 331). Было повидимому и другое представленіе этого свѣтила въ видѣ міроваго дерева (дубъ нашихъ сказокъ и заговоровъ, растущій на островѣ Буянѣ, Урунъ или Оронъ-модо монгольскаго повѣрья (очерки с. з. Монг., II, 161, IV, 187, 325), Бай-терекъ киргизскихъ сказокъ); поэтому замѣщеніе желѣзнаго кола деревомъ въ египетскомъ разсказѣ не должно показаться неожиданнымъ. Наконецъ въ египетскомъ разсказѣ появляются семь боговъ, создающихъ подругу для Битю; это можетъ быть созвѣздіе, состоящее изъ семи звѣздъ.

На той же схемѣ построена русская былина о Потоцкѣ. Три богатыря, отъѣзжая изъ Кіева, остаются у креста Леванидова (Гильф., II, 467; крестъ Леванидовъ на мѣстѣ шести деревьевъ; мѣняются крестами и дѣлаютъ заповѣть, если кто изъ братьевъ не вернется, ѣхать искать его. Потоцкъ, подобно Битю, нашедшему у рѣки дѣвицу, тоже находитъ дѣвицу у сивяго моря (Тихонравовъ, Русск. был., 26; Кириса Даниловъ, изд. Суворина, 174) или на рѣкѣ Пучай (Гильф., 1896, II, 114) и женится на ней. Въ его отсутствіе его жену увозитъ царь Золотой орды Коцей (Тихонр., 27, 34) или царь Политовскій (Гильф., II, 469, 543) или Вахрамей (Рыбн., I, 213). Потоцкъ ѣдетъ возвращать ее, но она ему уже измѣнила: она напоила его пьянымъ питьемъ и обратила въ камень. Названные братья ѣдутъ искать его, находятъ камень, разбиваютъ его и освобождаютъ Потока изъ камня. Затѣмъ казнятъ жену измѣнницу, ослѣпляютъ Коцея. Потоцкъ женится на дочери Коцея. Разказъ о женѣ измѣнницѣ есть и въ египетскомъ романѣ и въ монгольской повѣсти о Гесэрѣ. Битю заточенъ не въ камень, а въ колодезь: жена его, съ которою онъ жилъ у рѣки, увезена фараономъ: Агну находитъ душу брата, которая была скрыта въ цвѣтѣ дерева акаціи (Maspero, Contes égyptiens, Paris, 1882, p. 14) и оживляетъ брата. А. П. Веселовскій (Дорренскія сказки въ Журналѣ Мин. нар. просв., ч. ССІ, отд. 2, стр. 299) указываетъ на параллели къ былинѣ во французскихъ и итальянскихъ сказкахъ: въ одной французской жена измѣнница велитъ слугамъ подслушать бывшему мужу кувертъ; на русской почвѣ этотъ мотивъ выдѣлился въ особую былинку (сорокъ каликъ съ калкою); Апракея велитъ подслушать въ суму Потока чашу; товарищи зарываютъ Потока въ землю и выколунываютъ ему глаза. Въ ласской легендѣ, представляющей развитіе преданія объ Абатаѣ, ослѣпленіе есть (ослѣпленъ не соль, привезшій царю невѣсту), но ни въ ласской, ни въ монгольской нѣтъ подслушанной чашки, хотя намекъ на коровство есть. Въ ласской посоль, привезшій невѣсту, посылаетъ своего сына въ погоню за сражающимися паломниками ламами, которыхъ онъ подозреваетъ въ воровствѣ, но ослѣпленіе здѣсь отнесено къ другому моменту и къ другому лицу: ослѣпленъ не подозреваемый, а подозревающий, и до факта покраж; впрочемъ и здѣсь ослѣпленіе постигаетъ человека, который заподозрѣнъ въ пачуреніи привезенную невѣсту.

Монгольское сказаніе ближе къ инциденту русской былинки: тибетскій царь посылаетъ погоню за Абатаемъ, который тайно увезъ голову дадай-ламы, спрятавъ ее въ надрѣзанную кочку верблюда (Танг-тиб. окр., II, 221). Здѣсь невольница заключается только въ томъ, что увезенная вещь не водосудъ и что увезена не чаша, а голова (въ числѣ святынь, хранящихся въ буддйскихъ храмахъ, встрѣчаются габалы, чашки изъ человѣческаго черепа; въ монастырѣ Гумбумѣ почитается габала изъ черепа матери Цзонкавы).

Страна, въ которую ѣдетъ Потоцкъ, называется Задонскою, иногда Подольемъ Лиходѣевымъ (Рыбн., I, 207), почему и женщина, привезенная имъ, называется Марьей Подоленкой. Она сама проситъ богатыря отвезти ее въ Кіевъ и крестить; Потоцкъ креститъ и даетъ ей имя Авдотья или Настасья Лебедь бѣлая Лиховидовна. Это крещеніе указываетъ, что русское сказаніе такое же культовое, какъ и сказаніе объ Абатаѣ.

Въ вариантѣ былинки о сорока каликахъ атаманъ названъ Касьяномъ: Касьянъ закопанъ въ землю. Мотивъ неподвижности съ атамана каликъ перенесенъ и на св. Касьяна (Этн. Обзор., XLV, ст. Мендельсона „Св. Касьянъ“): Касьянъ сидитъ неподвижно; г. Мендельсонъ думаетъ, прикованъ. Въ одной русской сказкѣ Коцей прикованъ цѣпями. У св. Касьяна опущены вѣки; у Коцея также; ихъ поднимаютъ вилами (Зан. Красноярск. Подзотд. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 255).

Кража въ преданіяхъ о Чингисъ-ханѣ: его сынъ унесъ у него мутовку, съ которой соединено счастье народа; другой воръ укралъ у него золотую коновязь, сдѣланную для бѣлой лошади, спущенной Чингису съ неба (см. Потанинъ. Восточн. мотивы въ среднѣвѣк. эпосѣ, М., стр. 82 и 83). Кромѣ бѣлой лошади преданіе знаетъ спущенные небомъ Чингису камень со знакомъ хасъ (свастика) и нефритовую чашу съ виномъ (нефритъ помонг. хасъ-чилонъ; чилонъ „камень“; потюркски кашъ). Знакъ хасъ имѣетъ видъ креста съ загнутыми концами или слѣва направо или справа налево. Нѣкоторые принимаютъ этотъ знакъ за схематическое изображеніе орудія, вращательнымъ движениемъ котораго добывается деревянный огонь. Подъ эту схему подойдутъ также мутовка и мельница; можно также предложить догадку, что хасъ изображаетъ бубенъ (по бурятски хасъ, хэцэ), собственно его перевернувающихся поперечины. Упрощенное изображеніе бубна въ шаманской живописи состоитъ изъ кружка, вну-

три котораго вписанъ крестъ; если изъ дуги вынуть участки въ четырехъ мѣстахъ позади каждаго радіуса, то получится хасъ.

Воръ, укравшій коновязь у Чингиса, былъ, подобно Потокъ, зарытъ въ землю по шею. Въ память этого и теперь будто каждыи годъ во время поминковъ по Чингисъ-ханѣ одинъ изъ потомковъ вора долженъ стоять цѣлый день неподвижно съ зарытыми въ песокъ ногами. Этому участнику обряда дается имя „Золотая коновязь“, *Алтынъ-хаты-сынъ*; то же имя монголы даютъ и Полярной Звѣздѣ (по калмыцки она называется *Алтынъ-хасынъ*, „Золотой приколъ“).

Съ Полярной звѣздой связано представленіе о вращеніи вокругъ нея небснаго свода. Поэтому въ знакѣ хасъ можно усмотрѣть также и схематическое изображеніе вида маго движенія звѣзды: точка, въ которой пересѣкаются линіи креста, будетъ соответствовать Полярной звѣздѣ.

Въ отдѣльномъ каменимъ островѣ среди озера народная вѣра видитъ иногда пробку, которою заткнуто отверстие и которая удерживаетъ волнующую стихію въ предѣлахъ. Съ нашимъ островомъ Буяномъ, съ бѣлымъ камнемъ Ала-иремъ не соединяется идея о міровомъ порядкѣ, но у Далая приведено, какъ синонимъ сказочнаго А-атыря, имя Алаборъ (Голк вый словарь) и у него же сказано, что алаборъ значитъ порядокъ.

А. Н. Веселовскій, сдѣлавъ замѣчаніе, что св. Градь не всегда представлялся чашей, а иногда и камнемъ, указываетъ на существовавшее у древнихъ евреевъ представленіе о камнѣ, который стоитъ въ средоточіи міра. На немъ останавливался ковчегъ, на немъ стоитъ іерусалимскій храмъ; другое преданіе: Господь начерталъ свое имя на камнѣ при созданіи міра и погрузилъ его въ море въ основаніе воды; послѣе царь Давидъ добылъ его и положилъ въ основаніе храма (А. Н. Веселовскій, Сказаніе о Вавилонѣ, египтѣ и св. Градѣ, 51).

Группа съ быкомъ состоитъ изъ сѣбнаго отца, сѣднанаго на быкѣ, и сына, который ведетъ быка. Въ ласской легендѣ при сѣбномъ Гвардамбѣ, привезшемъ царскую невѣсту, находится сынъ, который ежедневно носитъ скотъ у колодезя и каждыи разъ затыкаетъ колодезь камнемъ. И въ той и другой легендѣ сынъ имѣетъ отношеніе къ отверстию, изъ котораго разливается вода.

Горѣ Лоувъ-Сорчянъ въ ласской легендѣ соответствуетъ островъ, находящійся по срединѣ озера Хухунора (Ганг.-тиб. окр., II, 211).

Съ вынадеиіемъ ячменя, съ употребленіемъ штановъ вмѣсто мѣрки (Очерки, IV, 339) ср. русское лѣтописное преданіе о построеніи кіев-печѣрской лавры, о дождѣ, указавшемъ мѣсто постройки, и о поясѣ.

Хонхо (слококольникъ) и очиръ, найденные Абатаемъ въ стѣнѣ, могутъ быть поняты, какъ символы шаманства: они могутъ представлять принадлежности шаманскаго бубна: хонхо можетъ указывать на металлическіе погремки, паннзанные на желѣзную горизонтальную поперечную въ бубнѣ; очиръ — на вертикальную поперечную, на такъ называемый *бартъ*, нижній конецъ которой развѣтвляется на двѣ вѣтви, а иногда такое же раздвоеніе имѣетъ и верхній конецъ бара; очиръ представляетъ жезлъ, у котораго оба конца развѣтвляются. Во время богослуженія лама держитъ очиръ одной рукой за середину и наклоняетъ верхній его конецъ то въ одну сторону, то въ другую и въ то же время звонитъ слококольникомъ, хонхо, который держитъ въ другой рукѣ. Это дѣлается, чтобы отогнать злыхъ духовъ или укротить ихъ. Шаманъ держитъ одной рукой за середину бара и наклоняетъ его верхній конецъ то въ одну сторону, то въ другую; при этихъ оборотахъ бубна погремки перекатываются по проволоцѣ, на которой паннзаны и производятъ звонъ. Дѣйствіе это можетъ быть имѣть то же значеніе, какъ и въ ламскомъ служеніи — отгонъ или укрощеніе духовъ. Очиръ, я думаю, это часть бубна, замѣняющая цѣлый бубенъ и уменьшенная въ размѣрѣ для удобства переноса. За такія же выдѣленія изъ бубна можно признать шаманскіе костыли, *харь-бо* или *сорби* по бурятски, и ламайскіе жезлы *дзулдуи* и *пурьву*. Въ сѣвернокавказскомъ преданіи костыль Христа, воткнутый въ землю, пускаетъ вѣтви къ небу и корни въ преисподнюю (Хахановъ, Очерки по ист. груз. словесности, М., 1895, стр. 26, 39), являясь такимъ образомъ нашему воображенію колесальнымъ очиромъ.

Сапдыкъ очевидно сторожъ владѣній далай-ламы; по одному варианту (Очерки с. з. Монг., IV, 337) далай-лама такъ былъ пораженъ побѣдой Абатая надъ сапдыкомъ, что началъ прятаться. Въ русской сказкѣ Ерусланъ пафзжаетъ на Ивашку, бѣлую япанчу, который спитъ, сидя на конѣ и воткнувъ копьѣ въ землю; это сторожъ индѣйскаго царства. Ерусланъ убилъ Ивашку; царь Далматъ испугался, узнавъ, что Ивашка не устоялъ и велитъ чествовать Еруслана. Въ бѣлорусской сказкѣ (Романовъ, I, в. з. №

44) Илья Муромецъ наѣзжаетъ на Сокола, сидѣвшаго на 12 дубахъ и имѣвшаго 12 роговъ (Соловей разбойникъ?), убиваетъ его и приѣзжаетъ въ царство царя Прожоры. Царь говоритъ: „Кого это мой соколъ пропустилъ?“ Богатырь Илью Муромца и Ерусалана роднитъ, какъ извѣстно, и другой эпизодъ — бой отца съ сыномъ. Потокъ не встрѣчаетъ на пути никакой заставы, но одна редакція (у Тихонравова) напоминаетъ, что одинъ изъ трехъ названныхъ братьевъ, Илья Муромецъ, разбѣжавшись съ братьями, наѣзжаетъ на Соловья разбойника Мировича.

Въ монгольскомъ сказаніи слуги Абатая разрѣзали кочку верблюда, заложили въ нее черень далай-ламы и зашили (Танг.-тиб. окр., II, 221); у Кирши Данилова Алена Поповичъ по приказу Апраксія распоролъ суму Касьяна, занихавъ чарочку серебряную и „Зашиваль гладехонько“ (стр. 187). Въ антихристіанской легендѣ VII в. Егюшуа проницъ въ Святой святыхъ храма, похитилъ имя Господне, написанное на пергаментѣ, надрѣзавъ собственную шкуру на погѣ, вложилъ пергаментъ въ надрѣзъ, зашилъ рану и такимъ образомъ вынесъ имя Господне изъ храма, неизобличенный стражей (Samuel Krauss, Das Leben Jesu nach jüdisch. Quellen, Berlin, 1902, S. 53).

Приостановка постигаетъ и другихъ поставителей талисмановъ. Въ русской сказкѣ Борма, возвращаясь съ вавилонскими „знаменіями“, чтобы благополучно продолжать свой путь, долженъ былъ вырѣзать часть своей лодки (Мдановъ, Русск. был. эпосъ. Сиб., 1895, стр. 3); въ монгольской о добывателѣ эрдени Гасарѣ приостановка произошла оттого, что въ карманѣ у Гасара оказался камень, который задерживалъ движеніе (Танг.-тиб. окр., II, 13).

Къ указаніямъ на сходство монгольскаго и тибетскаго сказанія о привозѣ Эрдени-цзу съ рассказомъ Даранаты о Шактиварманѣ, едѣманымъ мною въ „Танг.-тиб. окраинѣ Китая“, II, 117, можно теперь, имѣя подъ рукою вариантъ Оседора Осюкина, прибавить подробности: 1) Шактиварманъ имѣлъ на пути препятствія въ видѣ рѣки, а потомъ озера, только не на обратномъ пути, какъ Абатай (и Борма), а на пути впередъ; 2) когда Шактиварманъ достигъ вершины горы Поталы, то нашелъ тамъ „пустой дворецъ, въ которомъ ничего не было, кромѣ тамъ и зѣсь цветовъ“. Только постѣ продолжительной молитвы онъ нашелъ во дворцѣ боговъ (Васильевъ, Буддизмъ, III, 148).

2. Юсунъ-Сульдэ

(поттйетки Рабъ-гла)

Иль одинъ человекъ по имени Янвай; онъ имѣлъ тысячу лошадей масти *Хара сарылъ*. У него родился сынъ; отецъ далъ ему имя Бэркэ; потомъ родился другой, этому онъ далъ имя Эркэ. Когда Бэркэ выросъ, отецъ женилъ его и передалъ ему управленіе хозяйствомъ. Эркэ подростъ и говоритъ отцу, нельзя ли и ему жениться. Отецъ говоритъ: „Почему же нельзя? Женись, если хочешь, и самъ выбери себѣ невѣсту“. Эркэ говоритъ, что онъ желалъ бы жениться на женѣ своего старшаго брата Бэркэ. „Этого нельзя, — говоритъ отецъ. У одного мужа нѣсколько женъ можетъ быть, но у одной жены нѣсколько мужей нѣтъ“. Эркэ говоритъ: „Прогони Бэркэ и отдай мнѣ его жену — тогда и станеть, что у нея будетъ одинъ мужъ“. Но отецъ не согласился сдѣлать это. „Бэркэ пасеть скотъ хорошо, говоритъ отецъ, и не за что его прогонять“.

Эркэ сталъ повторять свою просьбу прогнать Бэркэ каждый день; непременно терялась изъ табуна лошадь. Наконецъ наступило время, когда изъ большаго табуна у Янвая осталось только нѣсколько лошадей. Тогда Эркэ сказалъ отцу: „Что же ты не прогонишь Бэркэ? Ты видишь, какъ онъ плохо пасеть скотъ. Онъ раззорилъ тебя,!“ Янвай отдалъ Бэркэ оставшихся лошадей и велѣлъ ему уѣхать. «Куда же я поѣду?» спрашиваетъ Бэркэ. „Поѣзжай въ страну Алтай—Хангай, говоритъ отецъ, и живи тамъ“.

Бэркэ сѣлъ на одну изъ лошадей и погналъ остальныхъ, а самъ не знаетъ, гдѣ находится страна Алтай—Хангай. Въ это время онъ услыхалъ нѣкіе птица; нѣкіе имѣло свойство напоминать родину; человекъ ли услышитъ это нѣкіе, скотина ли, всякій почувствуетъ желаніе увидѣть родину. Это нѣла птица *алтынъ—цурцун ай*. Услышавъ нѣкіе, Бэркэ подумалъ: «Поѣхать бы въ такое мѣсто, гдѣ есть люди! Онъ сѣлъ на коня, который въ одинъ скокъ пролеталъ пространство въ 1500 ли. Конь въ мигъ очутился на вершинѣ одной горы, съ которой онъ увидѣлъ впереди дымокъ, поднимавшійся до самаго неба. Онъ поѣхалъ къ этому дыму и нашелъ юрту, изъ которой ему на встрѣчу вышла старуха чаугунца*) лѣтъ за сто. Она спрашиваетъ его, какъ онъ попалъ въ это мѣсто, куда ни одинъ человекъ никогда не попадалъ. Потомъ она спросила, живъ ли его отецъ Янвай и братъ его Эркэ, и цѣлъ ли скотъ у Янвая. Удивился Бэркэ, какъ она могла все знать. Или она чортъ или она тэнгри. Старуха чау-

* Чаугунца „м. пахива“

гунца говоритъ ему, что она живетъ тутъ вдвоемъ съ дочерью, что мужчины при нихъ нѣтъ и имъ скучно и что она желала бы, чтобы онъ остался жить у нихъ. Она велѣла ему ложиться спать, а завтра утромъ молча встать, не говоря ни одного слова отправиться къ холму (хуа добо), на который она указала, и пригнать оттуда ея скотъ къ колодезю, который находится къ востоку отъ ея дома, и напоить его; она къ этому времени сварить чай. Онъ долженъ постараться быстро напоить скотъ; если онъ успеетъ весь скотъ напоить прежде, чѣмъ онѣ, женщины, приступятъ пить чай, то она выдастъ за него свою дочь замужъ и онъ можетъ тогда возвратиться къ отцу. „Если же не успеешь напоить, говоритъ чаугунца, то останешься здѣсь жить“! Бэркэ поступилъ по совѣту чаугунцы. Утромъ онъ всталъ и, не говоря ни слова, вышелъ, сѣлъ на своего коня и поѣхалъ къ холму „хуа добо“; взвѣхавъ на него, онъ увидѣлъ табуны мастей *цаганъ сарылъ* и *гара сарылъ*; согласно указанію чаугунцы онъ отбилъ лошадей масти хара сарылъ и масть цаганъ сарылъ погналъ къ колодезю; тутъ онъ узналъ, что это тѣ самыя лошади, которыя принадлежали его отцу Янвайю и потерялись. Пригнавъ къ колодезю, онъ началъ поспѣшно поить ихъ. Колодезь у колодезя былъ золотой, а корыто серебряное. Поить чаугунца велѣла берестянымъ черпакомъ, *бортока*. Онъ перепоилъ весь скотъ; осталось напоить трехъ лошадей; подогнавъ онъ ихъ къ корыту и только они приткнули свои морды къ водѣ, онъ поѣхалъ въ домъ старухи; чай уже былъ готовъ и разлитъ уже въ чашки, но женщины еще не успѣли прикоснуться къ нимъ устами. Чаугунца сказала, что онъ можетъ взять ея дочь, взять весь этотъ скотъ и возвратиться къ отцу. Бэркэ взялъ ея дочь и погналъ скотъ домой.

Пріѣхавъ къ отцу, Эркэ лежитъ больной. Отецъ обрадовался возвращенію сына, но Эркэ сталъ опять просить отца, чтобы онъ прогналъ Бэркэ, а привезенную имъ вторую жену отдалъ ему. Янвай не согласился, но въ день самаго пріѣзда Бэркэ у Янвая потерялись корова и двое телятъ. Эркэ говоритъ, что нужно брата Бэркэ послать отыскать потерявшихся животныхъ. Янвай велитъ ему отправиться искать потерянныхъ животныхъ. Бэркэ сѣлъ на своего коня, который въ одинъ скокъ пролеталъ пространство въ 1500 ли, и вновь пріѣхалъ къ старухѣ чаугунцѣ. Она уже знаетъ, что Эркэ потребовалъ, чтобы Янвай прогналъ Бэркэ, и учитъ его: „Сегодня ложись спать, а завтра утромъ встань и, ничего не говоря, поѣзжай къ холму (хуа добо): тамъ увидишь трехъ потерянныхъ животныхъ. Ты постарайся поймать теленка. Онъ будетъ рваться, но ты не отпускай его; когда онъ успокоится, погладь его; тогда онъ самъ за тобой пойдетъ. Ты пригонишь всѣхъ животныхъ сюда“ Бэркэ такъ и поступилъ и пригналъ животныхъ къ дому старухи. Тогда она дала ему девять собакъ, девять черныхъ птицъ (хара шибо) *) и девять стрѣлъ и велѣла ѣхать домой и гнать животныхъ; дорогой ему встрѣтится лисица; онъ долженъ погнаться за ней и убить ее. Погнавъ Бэркэ коровъ домой; его

*) Разскащикъ прибавилъ, что нѣкоторые принимаютъ этихъ птицъ за воронъ.

провожаютъ девять собакъ и девять черныхъ птицъ. Бѣжить лисица; Бэркэ погнался за нею съ собаками и черными птицами. Собаки гонятся, но не могутъ догнать; птицы гонятъ лисицу, но не могутъ догнать; Бэркэ пустилъ одну стрѣлу изъ данныхъ ему чаугушцей, но не убилъ лисицу; онъ пустилъ другую стрѣлу, третью и т. д., выпустилъ восемь стрѣлъ и не убилъ лисицу. Пустилъ девятую стрѣлу и убилъ. Приѣхалъ къ отцу, Эркэ лежитъ мертвый. Бэркэ взялъ обратно двухъ своихъ женъ и сталъ жить съ отцомъ. Яивай былъ воплощеніе Намсая, двѣ его жены воплощенія богинь Цаганъ дара экэ и Ногонъ дара экэ, Эркэ воплощеніе злого духа, а Бэркэ воплощеніе божества Юсунъ-Сулдэ*)

Чжамьянъ, лама изъ хошуна Баринъ-вана.—

*) Юсунъ сульдэ, девять бунчуковъ.

Расказчикъ говоритъ, что герой сказки Бэркэ воплощеніе божества Юсунъ-Сулдэ. Ламайская картина этого имени изображаетъ всадника на бѣлой лошади; въ рукахъ у него бунчукъ (*Сулдэ*), надъ нимъ ловчая птица, подъ нимъ охотничья собака; по сторонамъ этого всадника восемь миниатуръ, повторяющихъ центральное изображеніе. Такимъ образомъ на картинѣ, въ соответствии со сказкой, девять птицъ и девять собакъ (см. Вост. мотивы, 113).

Зачиная монгольской сказки сходень съ началомъ киргизской объ Ерѣ-Тюстюкѣ (№ 109 этого собранія). Въ обѣихъ отгонъ табузовъ старика, который остается на мѣстѣ. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ ходѣ сказокъ нѣтъ ничего общаго за исключеніемъ развѣ разказовъ о смерти Эркэ въ монгольской и Шоюнъ-гулака въ киргизской. Бэркэ получаетъ отъ одной женщины 9 собакъ, 9 птицъ и 9 стрѣлъ, гонится за лисицей, выпускаетъ все 9 стрѣлъ и послѣней стрѣлой убиваетъ лисицу; вслѣдъ за этимъ его злой противникъ умираетъ; въ этой лисицѣ, повидимому, заключалась душа Эркэ подобно тому, какъ въ киргизской душа Шоюнъ гулака скрывалась въ четырехъ перепелахъ.—

Девять сыновей, бросившіе своего отца въ киргизе ой сказкѣ объ Итыгялѣ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. 1, стр. 526), схема которой общая съ сказкой объ Ирѣ Тушлюкѣ.

Бурятское повѣрье у царя неба Эсэгэ-Малана девять сыновей, которые заняты истребленіемъ злыхъ духовъ; съ этою цѣлью они ежедневно бросаютъ на землю девять стрѣлъ (Изв. Вост.-сиб. Отдѣла Геогр. Общ., т. XI, № 1—2, стр. 90). Въ бурятскомъ преданіи сынъ неба девять разъ бросаетъ камень на отверстіе, изъ котораго изливается вода, затопляющая земли, и только въ послѣдній девятый разъ попадаетъ въ отверстіе (Зап. Вост.—сиб. Отдѣла Геогр. Общ. по Этн., т. 1, въ 1, стр. 109).

3. Далха юсунъ бурханъ

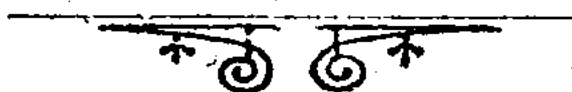

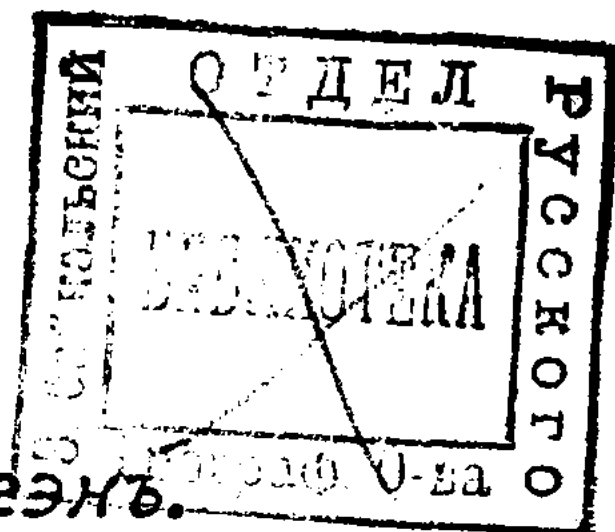
дна женщина посѣтила бѣлаго челоуѣка, зачала отъ него и родила семь яицъ. Она положила ихъ въ подолъ и понесла съ намѣреніемъ выбросить, но раздумала, воротилась въ домъ и положила ихъ подъ кровать. Изъ нихъ вышли семь мальчиковъ; женщина стала кормить ихъ и выростила семь юношей. Они стоворились разойтись въ семь разныхъ сторонъ, чтобы научиться разнымъ искусствамъ, воткнули въ землю семь копій и разошлись. Впоследствии шестеро изъ нихъ сошлись, сдѣлали деревянную Гаруду и полетѣли на ней искать своего седьмого брата. Они сдѣлались вносѣдствіи Далхэ-юсунъ-бурханомъ, который видѣнъ теперь на небѣ.

Халха съ р. Номыръ.

Другое Монгольское преданіе товарищей художниковъ опредѣленно виднѣтъ въ Плеядахъ.

Вслѣдъ за этой сказкой мы должны и храмовую картину Юсунъ-сультэ и обрядъ „далха“ поставить въ связь съ тѣмъ созвѣздіемъ, которое подразумѣвается въ сказкѣ.

4. Эрхэ-мэргэнъ.

1. режде было три солнца. Сурокъ (помонг. тарбаганъ) прежде имѣлъ человѣческой видъ; это былъ стрѣлокъ Эрхэ-мэргэнъ. Онъ задумалъ застрѣлить всѣ три солнца; въ два попалъ и убилъ ихъ, объ одно промахнулся. Послѣ того онъ отрубилъ себѣ большой палецъ. И теперь у сурка большого пальца нѣтъ.

Монголъ со станции Баисхылынту.

2. Сурокъ прежде былъ Ирхи—мэргэнъ. Онъ похвастался, что застрѣлитъ ласточку, а если не застрѣлитъ, то поклялся: *какъ убюсу идуху уэй, хара усу уху уэй*, ветхой травы не ѣсть, текучей воды не пить. Выстрѣлилъ въ ласточку, и не попалъ; только середину хвоста у ласточки (*харасынай*) отстрѣлилъ. Съ той поры ласточкинъ хвостъ развилкой, а сурокъ не ѣсть травы, ветшающей осенью, ложится спать на зиму, и въ дождь и росу не выходитъ изъ норы.

Будда Рабдановъ.

3. Прежде было три солнца. Эрхэ-мэргэнъ поспорилъ съ Бурханомъ, что онъ ихъ всѣхъ уничтожитъ, стрѣляя изъ лука, а если не попадетъ, то обѣщалъ отрубить себѣ большой палецъ*) и зарыться въ землю. Бурханъ одно солнце прикрылъ; Эрхэ-мэргэнъ въ два солнца попалъ, одно осталось цѣло. Тогда онъ отрубилъ себѣ палецъ, зарылся въ землю, сказалъ: *какъ убюсу идихуей, хара усу ухуей* и обратился въ сурка, у котораго нѣтъ большого пальца.**)

70 лѣтній старикъ Джамсрынъ.

4. Было семь звѣздъ Мичить. Эти звѣзды посылали земнымъ людямъ холодъ и ознобъ. Чтобы прекратить это зло, земной человѣкъ, по имени Эрхэ-мэргэнъ, стрѣлокъ, сдѣлалъ такой уговоръ: онъ, Эрхэ-мэргэнъ, долженъ однимъ выстрѣломъ (изъ лука) разбить всѣ семь звѣздъ; если онъ не сдѣлаетъ этого, онъ долженъ отрѣзать себѣ большой палецъ, сдѣлаться тарбаганомъ (суркомъ), не пить черную воду, не употреблять въ пищу *халдынъ*, отаву, не бывать въ вѣтряной погодѣ, вставать отъ зимней спячки, питаться зеленью, уто-

*) На большой палецъ накладывается тетива лука при натягиваніи.

***) Два другіе монгола, присутствовавшіе при разсказѣ, сказали, что всѣхъ солнць было семь.

лять жажду воздухомъ, служить мужчинамъ добычею. Давъ такой обѣдъ, Эркэ-мэргэнъ натянулъ лукъ, выстрѣлилъ и попалъ только въ одну изъ звѣздъ Мичита. И до сихъ поръ на небѣ есть шесть звѣздъ (вмѣсто семи). По данному обѣту Эркэ-мэргэнъ переродился въ тарбагана.

*Халхасецъ изъ гошуна Сангъ—бэпсы;
запис. на оз. Куйтунгъ—норъ.*

5. Сурокъ.

(тарбаганъ).

Когда-то тарбаганъ былъ безобразнымъ животнымъ, *дурсю угэй амитынъ*; онъ спорилъ съ однимъ человѣкомъ о чемъ-то, затѣмъ сказалъ этому человѣку, что онъ однимъ выстрѣломъ разрушитъ Долонъ-Мечита (Плеяды). Онъ выстрѣлилъ по Мечиту изъ лука, но попалъ только въ одну изъ семи звѣздъ. И до сихъ поръ на небѣ видны остальные шесть звѣздъ (т. е. Плеяды). Этотъ же тарбаганъ хотѣлъ разбить солнце и луну, но кто-то помѣшалъ ему сдѣлать это. Послѣ этого тарбаганъ отрѣзалъ себѣ большой палець, вырылъ нору для житья, переродился въ тарбагана и сталъ служить пищею для человѣка.

*Халха-монголъ, лама изъ гошуна
Донгъ-дзасыка въ баргутской землѣ.*

6. Балынъ Сенге.

1. Балынъ Сенге зашелъ въ одинъ домъ и спросилъ: „Когда къ вамъ придутъ гости, дѣлите ли вы мясо“? Хозяинъ говоритъ: „Дѣлимъ!“ и попросилъ его раздѣлить. Балынъ Сенге раздѣлилъ такъ, что самъ былъ сытъ, а хозяева остались впроголодь. Хозяева ушли въ амбаръ, гдѣ у нихъ былъ запасъ, сидятъ и украдкой ѣдятъ изъ запаса. Балынъ Сенге пошелъ искать ихъ, нашелъ и началъ бить и кричать: „Воровъ поймалъ!“ Тѣ говорятъ ему: „Ты не узналъ насъ! Вѣдь мы хозяева, свое ѣдимъ“. Балынъ Сенге не унижается, бьетъ и приговариваетъ: „Если бъ вы были хозяева, то не воровали бы въ собственномъ амбарѣ.“

Цэдэбъ.

2. Былъ *хаджигыръ* (паршивоголовый, плѣшивый) ханъ. Балынъ Сенге выдалъ себя за лѣкаря, умѣющаго исцѣлять плѣшивость. Его пригласили къ хану; Балынъ Сенге помочился въ ханскую шапку надѣлъ ее на голову хана и велѣлъ ему три раза обойти вокругъ,

юрты. Когда ханъ вышелъ, чтобъ выполнить наставленіе лѣкаря, Балынъ Сенге схватилъ всѣ его вещи и убѣжалъ.

Цэдэбъ.

3. Балынъ Сенге встрѣтилъ лисицу, которая несла кусокъ мяса. Балынъ Сенге вскричалъ: „На небѣ пожаръ“! Лисица положила мясо на землю и взглянула на небо. Въ это время прилетѣла ворона и унесла мясо.

Лжаванъ.

4. Балынъ Сенге однажды вралъ такимъ образомъ: „Когда я былъ еще въ утробѣ матери, я пасъ верблюдовъ отца. Я замѣтилъ, что беременная верблюдица потерялась. Я поднимался на возвышенныя мѣста, но не могъ нигдѣ ее увидеть. Тогда я залѣзъ на стебель дэрисуна *); онъ сдержалъ меня и я увидѣлъ верблюдицу съ родившимся жеребенкомъ. Я пришелъ къ ней и хотѣлъ сѣсть на нее, чтобы ѣхать, но она не могла поднять меня. Тогда я взялъ ее въ руки, сѣлъ на верблюженку и поѣхалъ; верблюженокъ повезъ меня. Я пріѣхалъ къ колодезю, чтобъ напоить скотъ. Привязать верблюдицу не къ чему. Тогда я отрѣзалъ себѣ голову, воткнулъ ее въ землю и къ ней привязалъ верблюдицу. Напоивъ скотъ водой, я поѣхалъ домой, а голову забылъ себѣ приставить. Когда пріѣхалъ домой, домашніе спрашиваютъ: „Гдѣ твоя голова?“ Тутъ я вспомнилъ, что забылъ ее у колодезя, и побѣжалъ къ нему. Прибѣгаю, голова улыбается, смѣется надо мной, что я забылъ ее.“

Лжаванъ.

5. Балынъ—Сенге захотѣлъ изучить номъ, отправился къ одному ученому ламѣ и поступилъ къ нему въ ученики. Лама имѣлъ свинью и поручилъ своему ученику кормить ее. Однажды Балынъ Сенге спрашиваетъ своего бакши, учителя: „Не пора ли колоть свиною?“ Учитель говоритъ, что еще рано. „Когда же наступитъ пора?“ спрашиваетъ Балынъ Сенге. „Когда изъ ноздрей свиньи потечетъ сало.“ Балынъ Сенге приготовилъ кормъ для свиньи и залилъ его кипяткомъ. Свинья бросилась къ корму, сунула свой носъ въ него и ошпарила свой пятакъ; носъ заболѣлъ, кожа съ него слезла и изъ ноздрей показался гной. Балынъ Сенге говоритъ своему бакши: „Пора свинью колоть. Изъ ноздрей ея показался жиръ.“ „Ну, если такъ, то будемъ колоть ее“, говоритъ бакши. Закололи свинью. Балынъ Сенге спрашиваетъ: „Когда же будемъ ѣсть?“ Бакши говоритъ: „Ѣсть не будемъ, а будемъ продавать мясо“. «Я пойду продавать», говоритъ Балынъ Сенге. „Иди“, согласился бакши. Балынъ Сенге взвалилъ себѣ на плечи свиную тушу и пошелъ въ ближайшее селеніе; проходя по улицѣ, онъ кричалъ: „Кто хочетъ купить мясо умершей отъ болѣзни свиньи“! Никто не захотѣлъ у него купить мясо послѣ такихъ словъ. Онъ вернулся съ тушей домой и говоритъ своему бакши, что охотниковъ купить мясо не нашлось. „Ты лжешь“, говоритъ бакши.

*) Дэрисунъ—злакъ *Lasiagrostis splendens*.

„Этого не можетъ быть!“, Завтра я самъ пойду продавать.“ „И я вмѣстѣ съ тобой пойду“, говоритъ Балынъ Сенге. На другой день бакши поднялъ на свои плечи тушу и понесъ ее въ селеніе. Балынъ Сенге говоритъ ему: „Я впередъ тебя побѣгу и буду вызывать желающихъ купить мясо“. Вошли въ селеніе. Балынъ Сенге бѣжитъ впередъ учителя и кричитъ: „Эй, кто желаетъ купить мясо свиньи, которое я вчера продавалъ!“ Жители отказались покупать это мясо; они говорили ламѣ: „Не надо намъ твоей свиньи; твоя свинья была больная“. Вернулся бакши домой съ непроданной свиньей и приказалъ своему ученику варить мясо. Балынъ Сенге варить и спрашиваетъ: „Бакши! ты что будешь ѣсть? Или будешь ѣсть мясо, а наваръ оставишь мнѣ, или наваръ возьмешь себѣ, а мясо отдашь мнѣ?“ Бакши говоритъ, что онъ будетъ ѣсть мясо, Балынъ Сенге долго варить мясо. Бакши спрашиваетъ, скоро ли? Балынъ Сенге отвѣчаетъ, что мясо еще не посиѣло. Онъ варилъ до тѣхъ поръ, пока мясо не развалилось и не разошлось въ водѣ, такъ что кости стали голыя. Тогда онъ наваръ съѣлъ самъ, а учителю подаль одинѣ кости. На другой день бакши говоритъ, что онъ будетъ ѣсть наваръ. Балынъ Сенге поварилъ немного, чтобъ мясо стало мягче, съѣлъ его, а учителю подаль наваръ, который, конечно, былъ жидокъ, одна вода безъ всякаго вкуса. Такимъ образомъ Балынъ Сенге съѣлъ одинѣ все свиное мясо. Обманутый бакши рѣшился отомстить Балыну Сенге. Онъ велѣлъ ему итти слѣдомъ за собой: онъ сказалъ ему, что они пойдутъ слушать проповѣдь. Пошли. Дорогой ихъ застигла ночь, стали раполастаться на почлегъ: бакши легъ ногами къ самому обрыву надъ рѣкой. Когда улеглись, бакши говоритъ своему ученику: «Что—то у меня ноги мерзнуть. Погрѣй—ка ихъ своимъ тѣломъ». У него было такое намѣреніе, когда Балынъ Сенге ляжетъ своимъ тѣломъ на его ноги, спихнуть его въ рѣку. Балынъ Сенге приближалъ и легъ на ноги учителя. Въ это время бакши задремалъ; Балынъ Сенге воспользовался этой минутой, положилъ на ноги учителя его бубнъ, а самъ отошелъ къ сторонѣ. Бакши проснулся, чувствуетъ, что на ногахъ лежитъ что-то, подумалъ, что это Балынъ Сенге и толкнулъ ногами. Бубенъ полетѣлъ въ рѣку; желѣзные погремушки у бубина громко зазвенѣли. Бакши громко сказалъ: „А, вотъ наконецъ погибъ мой врагъ Балынъ Сенге!“ Балынъ Сенге подбѣжалъ къ нему и спрашиваетъ: „О чемъ ты говоришь, бакши?“ Тотъ понялъ, что вновь обманутъ, и говоритъ: „Это я во снѣ бредилъ“. Лама вернулся домой и думаетъ, надо искать другой случай, чтобы погубить обманщика.

Понадобилось итти за дровами. Учитель вмѣстѣ съ ученикомъ пошли въ лѣсъ. Бакши говоритъ: „Духи этой мѣстности очень злы и потому, чтобы срубить дерево, нужно одному изъ насъ рубить, а другой долженъ залѣсть на это же дерево и сидѣть тамъ. Ты полѣзай на дерево, а я буду рубить“. Лама рубить, а Балынъ - Сенге сидитъ на деревѣ. Когда Балынъ - Сенге увидѣлъ, что бакши отъ утомленія вспотѣлъ, онъ говоритъ ему: „Учитель! Ты очень усталъ. Дай мнѣ топоръ, я за тебя порублю. А такъ какъ здѣсь нельзя рубить дерево безъ того, чтобъ на немъ не сидѣлъ человекъ, то ты полѣзай на мое

мѣсто. Когда же приблизится время упасть дереву, я тебѣ скажу; ты тогда слѣзешь, я сяду на твое мѣсто и ты закончишь рубку“. Бакши согласился, залѣзъ на дерево, а Балынъ Сенге спустился, началъ рубить. И такъ быстро у него пошла рубка, что бакши не успѣлъ соскочить съ дерева, дерево упало и задавило бакши. Балыну нужно скрыть трупъ. Онъ принесъ трупъ въ домъ бакши; у бакши былъ ящикъ, въ которомъ хранились его драгоценности. Балынъ Сенге опросталъ этотъ ящикъ; драгоценности взялъ себѣ, а трупъ положилъ въ ящикъ и вышелъ.

Встрѣчаетъ семь воровъ. Они спрашиваютъ его: „Гдѣ твой учитель?“, „Его дома нѣтъ“, отвѣчаетъ Балынъ Сенге. „Ушелъ по приглашенію мирянъ читать проповѣдь“. „Ну, такъ давай намъ его драгоценности!“ требуютъ воры. Балынъ Сенге говоритъ, что онъ не можетъ отдать ихъ. Воры грозятъ убить его. Тогда Балынъ Сенге говоритъ: „Ну, если такъ, то возьмите. Вотъ это ящикъ съ его драгоценностями. Только не открывайте его прежде, чѣмъ пройдетъ тридцать ли.*) Иначе поступите, то вмѣсто драгоценностей найдете въ ящикѣ только одинъ пепелъ“. Дорогой одинъ изъ нихъ замѣчаетъ, что откуда-то идетъ дурной запахъ, и начинаетъ упрекать товарища, думая, что тотъ неприлично себя ведетъ; другой товарищъ то же замѣтилъ запахъ; идутъ и перекоряются, другъ на друга думаютъ. Прошли тридцать ли, открыли ящикъ, увидѣли въ немъ разлагающееся тѣло ламы, перепугались и всѣ семеро разбѣжались въ разныя стороны.

Обо всѣхъ этихъ продѣлкахъ Балына Сенге и о томъ, что онъ убилъ даже своего бакши, узналъ Ерликъ и думаетъ, нужно его наказать за это. Онъ посылаетъ посла за Балыномъ-Сенге и предупреждаетъ его, чтобъ онъ былъ остороженъ, что Балынъ Сенге большой обманщикъ, можетъ притвориться и обмануть. Посолъ Ерлика приходитъ къ Балыну Сенге; Балынъ Сенге притворился больнымъ, будто не можетъ идти. Посолъ возвратился къ Ерлику и говоритъ, что Балынъ Сенге боленъ и придти не можетъ. „Это онъ притворяется!“ говоритъ Ерликъ. „Я говорилъ тебѣ, что онъ обманетъ тебя, берегись. Иди опять и доставь его ко мнѣ хоть больного, хоть мертвого“. Отправился посолъ вновь. Балынъ Сенге легъ и притворился мертвымъ; въ головахъ у себя поставилъ только что сваренный рисъ, возлѣ себя положилъ лѣкарственные порошки, а въ задъ себѣ воткнулъ ростокъ капусты (най-сей покить). Пришли послы Ерлика и не могутъ рѣшить, отчего умеръ Балынъ Сенге и когда. Если съ голоду, то у него рисъ въ головахъ; если отъ болѣзни, то противъ болѣзни у него были порошки. Повидимому, умеръ недавно, потому что не успѣлъ съѣсть только что сваренный, еще горячій рисъ; но опять, повидимому, давно; такъ давно, что изъ его тѣла успѣлъ вырости ростокъ капусты. Вернулись къ Ерлику, докладываютъ. Ерликъ приказалъ принести къ нему мертвое тѣло Балына Сенге, а когда будутъ приближаться съ тѣломъ къ дворцу, то пусть кто-нибудь придетъ впередъ

*) Ли-китайская мѣра протяженія, равная полуверстѣ.

съ извѣстіемъ о томъ; Ерликъ самъ выѣдетъ на встрѣчу переодѣтый. Балынъ Сенге былъ большой обманщикъ; теперь Ерликъ хочетъ самъ обмануть его, хочетъ надъ нимъ посмѣяться. Пришли Эрликовы послы къ Балыну Сенге; онъ сидитъ; нѣтъ возлѣ него ни рису, ни капусты; все это онъ убралъ. Сидитъ, какъ будто ничего не бывало. Они говорятъ ему, что Ерликъ требуетъ его къ себѣ. „Если Ерликъ требуетъ, слѣдуетъ повиноваться. Я готовъ итти!“ говоритъ Балынъ Сенге. Онъ взялъ своего *хуру буха*, сняго быка, осѣдлалъ его, привѣсилъ три стремени на одну сторону и отправился съ послами. Дорогой видитъ юрту, на которой сушился *хурутъ*, сыръ. Онъ вошелъ въ юрту. Въ ней сидѣла одна небольшая дѣвочка. Балынъ Сенге спросилъ ее, гдѣ ея родители. «Мать ушла въ сосѣди помогать катать войлоки», отвѣтила дѣвочка. Тогда онъ вышелъ изъ юрты, набралъ въ горсть хурута, вернулся въ юрту и началъ ѣсть. Дѣвочка закричала на него: „Какъ ты смѣешь чужое ѣсть безъ спросу? Кто ты такой? Какъ тебя зовутъ?“ „Меня зовутъ Прошлый“ (ниднонгъ), сказалъ Балынъ Сенге. Съѣвъ взятый хурутъ, онъ слова сходилъ за новой горстью. Тогда дѣвочка выскочила изъ юрты и начала звать свою мать: „Мама! мама! пришелъ чужой человекъ и ѣсть нашъ хурутъ“. «Кто такой, какъ его зовутъ?» «Зовутъ его Прошлый». «Дѣвочка дуритъ», подумала мать и не обратила вниманія на ея крикъ. А Балынъ Сенге съѣлъ весь ихній хурутъ.

Идетъ Балынъ Сенге далѣе. Встрѣчается ему одинъ человекъ, который его знаетъ; онъ велъ быка, запряженнаго въ телѣгу. „А, обманщикъ Балынъ Сенге!“, говоритъ онъ. „Ну ка, попробуй обмануть меня!“ Балынъ Сенге отказывается, говоритъ, что некогда, что его потребовалъ къ себѣ Ерликъ и онъ спѣшилъ къ нему. „Пожалуста, обмани его“, проситъ тотъ. „Ну, распрягай свою телѣгу; попробую обмануть тебя“. Тотъ началъ распрягать. Распрягъ, а Балынъ Сенге уже уѣхалъ. Тутъ понялъ тотъ человекъ, что онъ обманутъ; повѣрилъ Балыну Сенге, что тотъ будто дѣйствительно хочетъ что-то продѣлать надъ нимъ, и обманулся. Только даромъ быка распрягалъ.

Идетъ навстрѣчу Балыну Сенге другой человекъ, который несетъ котелъ на головѣ. „А, Балынъ Сенге! обманщикъ! Ну-ка, обмани меня“, „Некогда мнѣ“, говоритъ Балынъ Сенге. „На небѣ пожаръ и я долженъ спѣшить тушить огонь“. Человекъ повѣрилъ, взглянулъ на небо котелъ упалъ на землю и разбился.

Послы Эрлика доложили ему, что Балынъ Сенге ѣдетъ. Эрликъ переодѣлся, сѣлъ на коня и выѣхалъ навстрѣчу. Встрѣтилъ Балына Сенге и спрашиваетъ его: „Кто ты такой?“ Балынъ Сенге притворился, будто на него нашелъ столбнякъ, молчитъ, ничего не отвѣчаетъ. «Ты Балынъ Сенге?» говоритъ Ерликъ... «Ты обманщикъ? Ну-ка, попробуй обмануть меня.» Балынъ Сенге продолжаетъ молчать, ничего не отвѣчаетъ. «А что это у тебя за сивый быкъ? И отчего у твоего сѣдла три ступени, а не двѣ? И отчего повѣшены всѣ на одной сторонѣ?» Тогда Балынъ Сенге заговорилъ: „Это быкъ необыкновенный. Если ступишь на нижнее стремя, то сразу очутишься въ странѣ восьми лусовъ; если на верхнее, то очутишься въ странѣ тэнгріевъ, а если